

УДК 94+327.5+930.1

М.А. Бандурин

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.Л. Черноперов

ЭСКАЛАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ СОГЛАСНО КОНЦЕПЦИИ КАРЛА ШМИТТА (1933 – 1941)

В статье предпринята попытка проанализировать процесс эскалации геополитического напряжения с 1933 по 1941 гг. с точки зрения концепции Карла Шмитта о противостоянии Суши и Моря. Эта методология позволяет по-новому взглянуть на расстановку сил и их мотивы в рамках данного исторического периода.

Геополитика, Карл Шмитт, теллуократия, талассократия, Мюнхенский договор, напряженность между Третьим рейхом и Великобританией.

An attempt to analyse the process of escalation of geopolitical tension from 1933^d to 1941st from the point of view of Carl Schmitt's concept about confrontation between the Land and the Sea is undertaken in the article. This methodology allows to take a fresh look at alignment of forces and their motive within the given historical period.

Geopolitics, Carl Schmitt, tellurocracy, talassocracy, the Munich Agreement, tension between the Third Reich and Great Britain.

Объяснение многоплановых причин Второй мировой войны можно осуществлять с нескольких точек зрения, которые будут дополнять друг друга. Одной из наиболее важных является геополитическая. При этом важно не убить ее концептуальный «нерв» – теорию о противостоянии Суши и Моря, теллуократии и талассократии. «Если в геополитическом анализе отсутствует отсылка к дуализму цивилизаций, – отметил российский философ и геополитик А.Г. Дугин, – это не является геополитическим анализом <...> Геополитика – это методология, главный, базовый метод которой – выделение двух типов цивилизаций» [3, с. 162].

Тезис о противостоянии Суши и Моря ввел британский геополитик Хэлфорд Маккиндер, но основательно его разработал и поставил в центр своей концепции немецкий юрист, философ и геополитик Карл Шмитт [1, с. 7]. Взгляды последнего не ограничиваются специальной точкой зрения теории геополитики, но охватывают вопросы философии и методологии истории. Он решительно отмежевывается как от позитивистского и «цивилизационного», так и от гегельянского и марксистского взглядов на историю, чем представляет огромный интерес. «Не существует никаких всеобщих законов мировой истории, – пишет Шмитт. – Эта абстрактная попытка подчинить живую историю сухим закономерностям или статистической вероятности внутри узко функциональной системы в корне неверна. В реальности мы имеем дело лишь с одноразовыми конкретными ситуациями. И конкретная ситуация собственно нашей эпохи определяется тем, что в ней противостояние Востока и Запада приобрело характер планетарного дуализма, планетарной вражды. Когда мы пытаемся выяснить природу диалектического напряжения, по-

рождаемого этим дуализмом, мы не стремимся вывести всеобщий закон или статистическую вероятность, не говоря уже о построении какой-то системы» [13, 4, с. 315 – 316]. При этом каждое событие или ситуация, сама историчность которых состоит в их уникальности, определяется структурой «вызов – ответ», а противостояние Востока и Запада, как спецификация противостояния Суши и Моря, не является полярной оппозицией, но представляет собой историко-диалектическую напряженность.

Конкретная геополитическая ситуация 1933 – 1941 гг. еще не определялась этим планетарным дуализмом эпохи противостояния СССР и США. Он стал логичным, но не строго предрешенным с самого начала результатом завершения Второй мировой войны. Эта ситуация была более сложной. Согласно Шмитту, между талассократией (властью с помощью Моря) и теллуократией (властью с помощью Суши) нет общей меры. Вторая может быть разнообразно структурирована в рамках так называемого «большого пространства» (Grossraum) и может включать в себя самые различные самобытные государственные образования и режимы. Первая подобной структуризации не имеет [2]. Это верно не только в теории, но и характерно для рассматриваемого нами периода. Тогда структурирование «большого пространства» проходило под сильным влиянием различных идеологий, а идеологический фактор часто вступал в противоречие с геополитическим. Идеология нередко противоречила геополитическим интересам государств. Это усложняет анализ, но не отрицает факта, что эскалация геополитического напряжения определялась ансамблем интересов нескольких мировых держав и государств, претендующих на этот статус.

С геополитической точки зрения ситуация выгля-

дела следующим образом. После прихода национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г. было провозглашено о создании Третьего рейха, государства с явной теллуократической направленностью. Открыто реваншистские планы режима А. Гитлера и его принципиальная готовность начать военные действия с целью возвращения статуса великой державы позволяют датировать начало рассматриваемого процесса 1933 г. Фашистская Италия и остальные государства Европы в той степени, в какой они проводили самостоятельную политику, также относились к лагерю Суши. Флагманом талассократии в межвоенный период оставалась Британская империя. Это государство после буржуазной революции XVII в. осуществило решительную ориентацию в пользу морского могущества, превратив свой остров в «корабль», стоящий на якоре возле Европы, которая с тех пор превратилась для англичан в «береговую линию», простирающуюся вглубь континента, backland [4, с. 319]. Благодаря этому шагу в XVIII в. Великобритания стала центром промышленной революции, превратив технику в свою судьбу и стремясь сделать ее судьбой остального мира.

СССР и США требуют особого рассмотрения. Два этих государства оказались главными победителями во Второй мировой войне, превратившись в сверхдержавы и олицетворив собой дальнейшее противостояние Суши и Моря соответственно. Это произошло не случайно и вполне логично. По мнению таких мыслителей, как Карл Шмитт, Мартин Хайдеггер [10, с. 202] и Юлиус Эвола [14, с. 356, 373], этому способствовала подчеркнута материалистическая и техническая ориентация этих сил. В процессе эскалации геополитического напряжения в 1933 – 1941 гг. эти государства прямого участия не принимали, находясь до определенного момента (1939 – 1941 гг.) на периферии событий. И, отчасти, именно поэтому они, в конечном итоге, оказались победителями. С военно-стратегической точки зрения их положение было наиболее благоприятным. Те же силы, которые активно участвовали в эскалации конфликта, оказались либо поверженными, либо потерявшими геополитическое влияние. Нетрудно высказать, что это относится, прежде всего, к Европе. Именно Европа в ходе этого конфликта сделала шаги к самоуничтожению, последствия которых оказались необратимыми.

Таким образом, геополитический метод позволяет выявить европоцентричный характер эскалации напряжения в рассматриваемый период. В историографии существует тенденция искать причины Второй мировой войны в ряде локальных конфликтов 1930-х гг., самым масштабным из которых была Японо-китайская война. Учитывать все подобные конфликты призывает британский историк А.Дж.П. Тейлор [9, с. 378]. Интересы Японии и интересы Великобритании и США действительно пересекались в Тихоокеанском регионе, однако «Тройственный пакт» сентября 1940 г. между Третьим рейхом, Италией и Японией военным союзом не являлся [9, с. 379]. С СССР Япония в апреле 1941 г. заключила пакт о нейтралитете, который не был нарушен с ее

стороны. Этот договор был денонсирован СССР с целью начала войны против Японии в августе 1945 г. Нападение 7 декабря 1941 г. на Перл-Харбор означало начало японо-американской войны. США не были катализатором Второй мировой войны и фактически не вступили в нее сами, а были втянуты Гитлером, который 11 декабря 1941 г. объявил им войну. Именно это окончательно сделало конфликт мировым.

Насколько логичной, хотя и не предрешенной изначально, была победа СССР и США и превращение их в сверхдержавы, олицетворяющие Сушу и Море, настолько логичным, но и не «запрограммированным» с самого начала было нападение Третьего рейха на СССР. Логичным этот фронт войны выглядел с идеологической точки зрения. Согласно распространенному в отечественной историографии взгляду, советское руководство уже с 1933 г. буквально его предвкушало. Об этом говорит известный тезис о том, что Запад стремился направить агрессию Гитлера на СССР [7, с. 190]. С точки зрения марксистско-ленинской идеологии нетрудно было смоделировать подобное развитие событий, ведь классовый подход усматривал в европейских режимах лишь разные степени буржуазной реакционности. То, что для этого руководство Третьего рейха и Великобритании должны были заключить по крайней мере пакт, при таком подходе не принималось во внимание.

Но и в этом случае остается верным то, что СССР, хотя и не был невинной жертвой европейского заговора, прямого участия в эскалации геополитического напряжения не принимал. Здесь активной стороной выступил Третий рейх, который стремился получить статус великой державы, преодолев ограничения Версальского договора, и структурировать в свою пользу часть европейского пространства. Цели его были континентальными, и осуществлять он их намеревался с помощью Суши. То же можно сказать и о фашистской Италии, которая имела интересы в Европе и Средиземноморье. Однако ее потенциал вряд ли мог позволить ей быть ключевым фактором в рассматриваемом процессе [20, р. 224]. Теллуократический характер этих режимов не оставляет места для обвинения их в стремлении к своего рода глобализму или мондиализму, которое может имплицитно содержаться в исследованиях, слишком абстрактно подходящих к изучению Второй мировой войны.

Как мы убедились, геополитический спектр сил до мировой войны был гораздо сложнее, чем после нее. Если во время Холодной войны талассократия всецело была представлена США и ее союзниками, а СССР и его союзники практически всеобъемлюще олицетворяли теллуократию, то в интересующий нас период первая сугубо формально была представлена Великобританией, США и Францией, а вторая – Третьим рейхом, Италией, СССР и Японией. При этом США в силу изоляционистской политики оставались талассократической периферией по отношению к растущему в Европе напряжению, а СССР в силу идеологической изоляции, которая к концу 1930-х гг. только возрастала, – теллуократической

периферией. На особое положение Японии и ее выбор в пользу конфликта с США мы уже указали. Именно этим четырем державам Суши в интересующий нас период был присущ передел сфер влияния или, по крайней мере, попытки такового на договорной основе. И это касается не только «Антикоминтерновского пакта» 1937 г. и «Тройственного пакта» 1940 г., но и «пакта Молотова-Риббентропа» 1939 г. Таким образом, предпринимались попытки смягчить идеологическое напряжение в общем для держав Суши деле структурирования «большого пространства». Вот что пишет Карл Шмитт по поводу советско-германского пакта: «Немецко-русский договор о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г. уже в официальном тексте использует понятие рейха. Он устанавливает границу «взаимных интересов рейхов» в области прежнего польского государства. <...> Рейхами в этом смысле являются ведущие и несущие силы, политическая идея коих распространяется в определенном большом пространстве и которые относительно этого большого пространства принципиально исключают интервенции сил, принадлежащих чужому пространству». При этом «каждый рейх *имеет* большое пространство, в котором излучается его политическая идея и которое не должно подвергаться опасности чужих интервенций» [12, с. 526 – 527].

Британская талассократия проводила совершенно иную политику. Со времен Утрехтского мира 1713 г. она поддерживает баланс сил на континенте, т.е. в глубине «береговой линии» [19, р. 895]. В интересующий нас период у Великобритании было для этого четыре основных инструмента: Лига Наций, взаимодействие с Францией и ее союзниками в Восточной Европе, переговоры с фашистской Италией и переговоры с Третьим рейхом. При всех ее дипломатических шагах присутствовало реальное геополитическое напряжение, без которого эскалация конфликта трудно представима. Великобритании всеми средствами необходимо было удерживать контроль над Европой, в этом суть ее талассократической политики. Третий рейх же был той реальной силой, способной ее этого контроля лишиться, «выбросить» ее из Европы. Эта ситуация стала для британцев серьезным геополитическим вызовом. К середине 1930-х гг. британское руководство, по-видимому, осознает, что наиболее реалистичным способом обеспечения своих европейских интересов будут прямые переговоры с Гитлером. В этом суть политики консервативного кабинета Невилла Чемберлена по «замирению Европы», кульминацией которой стал Мюнхенский договор 30 сентября 1938 г. Смысл этой дипломатической операции состоял в том, чтобы передать под собственным контролем рейху то, что само шло ему в руки – Судетскую область Чехословакии. Действовать нужно было как можно скорее и решительнее, потому что политика Гитлера среди судетских немцев после аншлюса Австрии пользовалась сверхподдержкой. Он мог воспользоваться этой ситуацией и начать военную операцию, чтобы присоединить не только эту область, но и захватить всю Чехословакию. А это означало конец французских оборонительных союзов и возможности с помощью них сдерживать Третий рейх. Поэтому

Чемберлен дважды лично летал в Германию для встречи с Гитлером. В ситуации, когда фюрер колебался, начинать ему войну или нет, британский премьер, демонстрируя уступчивость, склонил его к подписанию соглашения. Теперь новая граница Чехословакии гарантировалась обеими сторонами, которые договорились впредь консультироваться друг с другом [11, с. 143].

Такое развитие событий выглядело пародией на идею мирового кондоминиума между рейхом и Великобританией, которой на самом деле придерживался Гитлер [15, р. 51]. Это был не передел сфер влияния, который, впрочем, с геополитической точки зрения, вряд ли был возможен, но одностороннее навязывание британцами своих интересов. В сентябре 1938 г. Гитлер выиграл дипломатическую битву и извлек выгоды из сложившейся ситуации, но проиграл дипломатическую кампанию. Третий рейх, хотя и увеличил свой военно-стратегический потенциал, не обрел геополитической свободы действий. Наоборот, теперь его было легко «криминализировать», ведь талассократия получила после Мюнхенского соглашения все возможности для этого. Так и произошло в марте 1939 г., когда вермахт вошел в Прагу. После того, как Англия вслед за этим дала гарантии Польше, Румынии и Греции, масштабы будущей войны были окончательно определены [21, р. 203 – 204], [6, с. 252 – 253].

Если бы рейх получил возможность проводить независимую теллуократическую политику (а именно это и было целью гитлеровской дипломатии) война могла бы быть локализована. Единственным шансом для этого было нападение на Чехословакию в 1938 г., упреждающее политику Чемберлена. Ретроспективно можно предположить, что Англия могла тогда и не объявить войну Германии, ввиду своей неготовности к ней. Если в конце 1939 – начале 1940 гг. война на Западном фронте оставалась «странной», то летом – осенью 1938 г. ее вообще могло не быть [6, с. 253]. Но, разумеется, тогда об этом никто не знал, и нападение на Чехословакию было большим риском, который, однако, мог увенчаться главным успехом – выходом рейха и большей части Европы из-под талассократического контроля. В марте 1939 г. Гитлер аннексировал Богемию и Моравию. Это была очередная выигранная битва на фоне проигранной кампании. Последствия, казалось бы, одного и того же акта – захвата Чехословакии в ситуациях 1938 и 1939 гг. были кардинально различными. Теперь даже очевидные ошибки британского курса не означали краха талассократической политики. Глобализация конфликта шла в унисон с ними, и они настолько отождествились с судьбой всей Европы или даже всего мира, что войну, начавшуюся 3 сентября 1939 г. между англо-французской коалицией и Третьим рейхом, стали квалифицировать как мировую, хотя локальный ее характер вплоть до 1941 г. очевиден. Мир, который тогда, в 1939 г., был поставлен на карту, был сферой талассократической политики.

Третий рейх вступил в эту войну, так и не имея теллуократического «суверенитета», и теперь вынужден был пытаться решать эту проблему в откры-

том военном противостоянии с Западом. Двусмысленность его положения, даже после блестящей операции по выводу Франции из войны, состояла в том, что, располагая ресурсами почти всего континента, он так и не обрел сущностной геополитической обособленности. СССР, благодаря политике большевиков, такую самостоятельность имел и при удачных обстоятельствах ей воспользовался. Заключение советско-германского пакта перед самым началом войны не вело к ее эскалации. Напротив, поскольку в игру вступила столь мощная периферическая по отношению к этому процессу евразийская сила, его нарушение теперь означало окончательную и бесповоротную глобализацию войны. В июне 1941 г. Гитлер пошел на этот шаг, подготовив и осуществив мощное вторжение в Россию. На это решение повлияли, прежде всего, идеологический и военно-стратегический факторы. С геополитической точки зрения, этот шаг был обусловлен все тем же продолжающимся болезненным размежеванием между Третьим рейхом и Великобританией, которому после «битвы за Британию» не было видно конца. Ход Второй мировой войны, как продолжения талассократической политики, вынудил нацистскую Германию попытаться исправить свое двусмысленное геополитическое положение путем обретения тотального сухопутного превосходства [6, с. 281 – 289].

Талассократии даже в этот критический период удалось удержать преимущество. После того, как советско-германский пакт был нарушен, конфликт стал чисто военным. Дипломатическое превосходство, полученное еще в 1938 г., так и оставалось за Великобританией. И тем двусмысленнее становилось положение Гитлера, если он продолжал надеяться на передел сфер влияния с ней. Оказавшись в конечном итоге среди держав-победительниц, Англия сумела одержать именно геополитическую победу. Со всех остальных точек зрения победа была пирровой. Великобритания фактически потеряла империю, а импульсивная политика У. Черчилля лишь способствовала нарастанию хаоса [16, р. 283, 362]. Парадоксальным образом потеря геополитического влияния этой страны и попадание ее в сферу могущества США сочеталось, с той же геополитической точки зрения, с ее победой. Такова особенность Моря, которое не терпит пространственной структуры.

Источники и литература

1. Дугин, А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – СПб., 2007.
2. Дугин, А.Г. Карл Шмитт: 5 уроков для России / А.Г. Дугин. – URL: <http://arctogaia.org.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=23>
3. Дугин, А.Г. Логос и мифос. Социология глубин / А.Г. Дугин. – М., 2010.
4. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М., 2000.
5. Классика геополитики, XX век: Сб. – М., 2003.
6. Лиддел Гарт, Б.Г. Стратегия непрямого действия / Б.Г. Лиддел Гарт. – М., 1957.
7. Сиполс, В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны / В.Я. Сиполс. – М., 1989.
8. Системная история международных отношений: в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М., 2000.
9. Тейлор, А.Дж.П. Вторая мировая война / А.Дж.П. Тейлор // Вторая мировая война: Два взгляда. – М., 1995.
10. Хайдеггер, М. Положение об основании / М. Хайдеггер. – СПб., 2000.
11. Черчилль, У. Вторая мировая война. Кн. I / У. Черчилль. – М., 1991.
12. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. – СПб., 2008.
13. Шмитт, К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря / К. Шмитт. – URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=524>
14. Эвола, Ю. Оседлать тигра / Ю. Эвола. – СПб., 2005.
15. Aigner, D. Das Ringen um England. Das deutsch-britische Verhältnis. Die öffentliche Meinung 1933 – 1939, Tragödie zweier Völker / D. Aigner. – München; Esslingen, 1969.
16. Buchanan, P. Churchill, Hitler and Unnecessary War : How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World / P. Buchanan. – N.Y., 2008.
17. Documents on British Foreign Policy, 1919 – 1945. Series 3 (1938 – 1945). – V. II. July – September 1938. – L., 1949.
18. Documents on German Foreign Policy, 1918-1945. Series D (1937-1941). Vol. II. Germany and Czechoslovakia. 1937 – 1938. – L., 1950.
19. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler. – N.Y., 1941.
20. Mallett, R. Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933 – 40 / R. Mallett. – L., 2003.
21. Newman, S. March 1939: the British Guarantee to Poland / S. Newman. – Oxford, 1976.
22. Taylor, A.J.P. The Origins of the Second World War / A.J.P. Taylor. – L., 1961.

УДК 338.246.025.2

Р.В. Горохов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ И УЧЕТ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ И АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В данной статье рассматриваются основные формы контроля за частной промышленностью, существовавшие в 1920-е гг., – регистрация и учет предприятий. В начальном периоде НЭПа указанные мероприятия проводились с целью определения правового статуса предприятий и установления государственного регулирования, впоследствии с их помощью осуществлялось вытеснение частного сектора из экономики.